

Стоя на пороге ухоженного особняка георгианской эпохи, адвокат терпеливо дожидался, пока ему откроют дверь, предаваясь думам о том, как поместье, как и его контора, переходили от поколения к поколению, каждый раз во владение старшего сына, и как линия преемственности вместе с его конторой оборвутся со смертью последнего представителя нынешнего поколения.

Мужчина, одетый в традиционный костюм в тонкую полоску и котелок, нисколько не сомневался в своей внешности и впечатлении, которое производил. Он был признанно лучшим в своём деле, и множество клиентов — куда больше, чем могла бы обслужить его контора — буквально боролись за то, чтобы он вёл их дела. Однако он сразу ответил на зов своего старейшего клиента, который пережил шесть войн Её Величества и участвовал в двух из них, тут же забыв про свой расписанный едва ли не по секундам день. Этот вызов он не мог — да и не стал бы — игнорировать. Есть долги, которые просто нет возможности выплатить, но это не мешало ему пытаться.

Наконец дверь открылась, и на пороге показалась медсестра, сиделка клиента.

— Прошу, за мной, — сказала она. — Вас уже ожидают.

Сиделка повела его по богато обставленному коридору поместья к массивным дубовым дверям, толстый пушистый ковёр заглушал их шаги. Постучав трижды, она распахнула двери; несмотря на массивность, тщательно смазанные петли лишили их присущего подобным дверям скрипа.

— А, ты пришёл, — сказал старик, сидящий в мягком кожаном кресле с накинутым на ноги пледом. — Прекрасно. Заходи, заходи.

— Билл, — поприветствовал адвокат старика, глаза которого были столь же живыми и бодрыми, как и в день их первой встречи. — Я пришёл так быстро, как только смог. Вы сказали, что дело не терпит отлагательств.

— Сказал, — признал старик и добавил, кинув взгляд на котелок: — Можешь расслабиться — прямо сегодня я помирать не собираюсь. Полагаю, можно немного расслабиться перед тем, как приступить к делам, — старик указал на стол, на котором во всём своём пыльном великолепии красовалась бутылка шотландского солодового виски.

— Вы же, сколько себя помню, хранили её у себя, всё говоря, что придерживаете ради какого-то особого повода, — заметил адвокат, смерив бутылку взглядом.

Старик причмокнул губами, также невольно переведя взор на бутылку.

— У меня не так уж много поводов в жизни осталось, — сказал он. — Полагаю, сегодняшняя встреча — превосходный повод проверить, стоила ли она столь долгого ожидания.

Адвокат уселся в кресло напротив своего клиента, обеспокоенно нахмутив брови.

— Вы себя вообще нормально чувствуете? Такие пораженческие мысли — это на вас не похоже.

— Я стар. Я пережил и жену, и детей. Остались лишь люди, которые видят во мне занудного старика-извращенца, навязанного им в родственники, — слова старика наполнились горечью. — Потому я решил пережить и эту бутылку виски. Давай, откупоривай её, у меня для тебя есть последние два задания.

Сестра-сиделка, всё ещё остававшаяся в комнате, прикусила губу, явно не в восторге от того, что её подопечный решил выпить спиртного.

— Ты к нам тоже присоединяйся, дорогая, — сухо усмехнулся старик. — Этой бутылке лет больше, чем тебе, так что будет уместно, если ты насладишься ею с нами.

— Простите, сэр, — ответила сиделка, — но я на работе.

— Чушь собачья, — отмахнулся от её попытки отказаться старик. — Ты слишком уж зациклена на своей работе, в этом вы с моим другом похожи. Более того, вы оба даже не пытаетесь найти того, кто заполнит пустоту рядом с вами. Давай, присядь к нему на колени и обними его. Уверен, вы оба насладитесь компанией друг друга.

— Сэр! — возмутилась женщина, отчаянно краснея от столь возмутительного и постыдного предложения.

— Так вы меня позвали только чтобы со своей сиделкой свести? — усмехнулся адвокат.

— Нет, но я чувствую, что вы двое станете прекрасной парой, — также усмехнулся старик. — Своди её на свидание, можешь считать это своей оплачиваемой работой. Уверен, ты об этом не пожалеешь.

Адвокат посмотрел на красную как маков цвет женщину.

— У меня нет времени на личные отношения, — заявил он.

— Значит найди это время, — приказал старик.

Рассмеявшись, адвокат подошёл к всё также стоящей на столе бутылке.

— Вы же помните, чем закончилась моя последняя попытка завести отношения?

— На этот раз тебе больше повезёт, — уверенно заявил старик.

Адвокат взял три стакана и плеснул в каждый из них немного янтарной жидкости.

— Какие задания вы хотели мне поручить? — решил он перевести тему в деловое русло.

— Фелисити, — односложно ответил старик.

Адвокат вздрогнул, мысленно приготовившись к предстоящей тираде.

— Что по поводу Фелисити?

— Я хочу, чтобы ты вписал её обратно в моё завещание.

Ожидаемой тирады не последовало.

— Мне казалось, вы не одобрили её отношений, — заметил адвокат, закупоривая бутылку пробкой.

Тишина стала ему ответом.

— Значит, вы решили, что она права, а вы ошибались? — с опаской спросил адвокат.

— Я решил, что совершенно неважно, кто прав, а кто нет.

— Мудры слова ваши, — произнёс адвокат, поставив один из стаканов рядом со стариком, а второй протянув всё ещё краснеющей сиделке.

— Я жалею лишь о том, что у меня так много времени ушло, чтобы это понять.

— А второе задание? — спросил адвокат, возвращаясь в своё кресло.

— Я решил, что хочу оставить в этом мире что-то хорошее. Завтра пополудни у тебя назначен обед с молодой леди по имени Жасмин.

— Ещё одно свидание? — Адвокат отхлебнул из стакана, смакуя столь редкое угощение. — Я ещё не настолько отчаялся.

— Нет, — усмехнулся старик, а затем перевёл взгляд на сиделку. — И я не шутил, когда сказал, что хочу, чтобы ты села к нему на колени.

Сиделка посмотрела на старика, лицом напоминая уже даже не помидорку, а свёклу. Затем, вздохнув, решила поддержать шутку своего подопечного и уже через несколько секунд сидела на коленях адвоката.

— Ну вот, — довольно сказал старик, — несложно же, да?

Сиделка, опустив глаза, скромно кивнула.

— О, — вдруг сказала она, заметив нечто странное. — У вас какая-то зелёная слизь на плече. Давайте я её уберу, — дёрнулась подняться сиделка.

— Не надо, — слабо улыбнулся старик. — Сейчас не время беспокоиться о старике. Сиди, где сидишь.

Женщина села обратно, внутренне забеспокоившись, что события стали принимать какой-то пошлый оборот.

Старик также отхлебнул из своего стакана и поморщился.

— Женщина, с которой тебе предстоит завтра встретиться, хочет основать сиротский приют, — сказал он. — Ты должен будешь проследить, чтобы она получила втрое больше средств, чем ей необходимо для открытия приюта. Также проследи за тем, чтобы согласно моему завещанию её приют и в дальнейшем получал достойное финансирование. Помоги ей создать для обездоленных детей дом, в котором их окружают любовью и заботой — именно в этом состоит её цель.

— Насколько помню, раньше вы не болели подобным альтруизмом, — заметил адвокат, слишком уж сосредоточенный на сидящей у него на коленях женщине, чтобы следить за своими словами.

— Мне уже недолго осталось. Хочется сделать хоть что-то хорошее, прежде чем я уйду, — старик поставил стакан обратно на стол, с которого его взял. — Это мой шанс оставить после себя добрую память.

— Да вы ещё много лет пробудете с нами! — ответил адвокат, почувствовавший исходящий от волос сестры-сиделки аромат, когда та удивлённо обернулась к старику.

— Ты же адвокат, — заметил старик. — Тебе положено быть куда лучшим лжецом.

— Вы — мой друг, — ответил тот. — Я бы не стал вам врать.

Старик вздохнул, устало прикрывая глаза.

— Что ж, это последние задания для тебя. Уверен, ты сделаешь всё необходимое. Забери виски с собой — как оказалось, оно не в моём вкусе. И самое главное, не забудь пригласить её на свидание.

Адвокат посмотрел прямо в глаза сидящей на его коленях сиделки.

— Пятница? — предложил он.

Женщина судорожно закивала, неспособная разорвать зрительный контакт.

Много лет спустя, держа на руках своего первенца, адвокат будет вспоминать, как бутылка виски стала наименьшим из полученных им в тот день даров.

Дворец в Кантерлоте был образцом изобретательности и вершиной инженерной мысли понячества. Прижавшись к уступу и частично нависая над пропастью, огромное сооружение, казалось, бросало вызов гравитации, отказываясь ей подчиняться. Со вкусом разбитые сады казались островком спокойствия и безмятежности посреди шума и суеты, создаваемой правительственным аппаратом, размещающемся в роскошно обставленных комнатах. Искатели приключений будут просто в восторге, исследуя множество башен и тайных проходов, закрытых для публичного посещения. Здание было столь огромным, что ходил слух, будто даже сама Селестия и за месяц не смогла бы обойти все его помещения. Однако несмотря на размеры, во дворце порой случались весьма неожиданные встречи.

Девочка испуганно отшатнулась, прежде чем узнала кучку приближающихся к ней жеребят.

— Ого, уж не гриффиндорцев ли я вижу? — сказала она.

— Дафна Гринграсс? Что ты тут делаешь? — спросила Эппл Блум, узрев девочку и её сопровождающих.

— Родители отправили меня обратно в выделенный нам номер, — возмутилась Дафна. — Они сами проведут ночь в лечебнице вместе с моей сестрой, а мне того же сделать не позволили!

— Твоя сестра в лечебнице? — спросил Невилл. — Сочувствую тебе. Ненавижу все эти лечебницы.

Его заявление было встречено волной согласных кивков от жеребят и сопровождавших их взрослых.

— На самом деле, это хорошая новость, — сказала Дафна. — Моя сестра с рождения мучилась от проклятья. Пони смогли его снять, и теперь она, наверное, скоро совсем поправится.

— Не хочется всехпони торопить, — прервала их разговор Лира, — но нам нужно скорее возвращаться со мной в Понивилль, чтобы успеть на запланированную встречу.

— Не смею вас задерживать, — тут же вежливо произнесла Дафна.

— Свити, почему бы тебе не пригласить подругу провести с вами ночь? — предложила Рерити.
— Не вижу ни единой причины ей оставаться одной в чужой, незнакомой комнате, и уверена, она будет рада, если вы составите ей компанию.

— В этом нет необходимости, — ответила Дафна. — Я вполне могу выдержать одну ночь в одиночестве.

— Чушь! — совершенно неподобающе леди фыркнула белая единорожка. — Уверена, твои родители не будут против. Лучше уж проводить время в компании, чем сидеть и переживать в одиночестве. И не говори мне тут, что совершенно не переживаешь. Я бы точно очень переживала, если бы моя сестра, не дай Селестия, оказалась бы в больнице!

— Я в порядке, — настаивала Дафна. — Честно.

— Можешь не пытаться, в этом тебе её не переспорить, — заверила её Рейнбоу Дэш. — Лучше просто смирись и сделай, как она сказала.

— Тогда я должна сообщить родителям, — сделала последнюю попытку возразить Дафна.

— Это проще простого, — сказала Рерити и перевела взгляд на одного из сопровождавших девочку стражей. — Будьте так любезны, сообщите её родителям, что у неё изменились планы.

— Так точно, — отсалютовал стражник и порысил прочь выполнять поставленную ему задачу.

Бон-Бон почувствовала немалое облегчение, когда в комнату впорхнул Тягач и уселся на насест рядом с Буклей. Она, однако, оказалась совершенно не готова к настоящей приливной волне пони, затопившей помещение, как только кондитерша коснулась сумки на груди Тягача и сказала положенную для извлечения её содержимого фразу.

— Вижу, ты нашла нашего потеряшку, — сказала Лире Бон-Бон, пока та поднималась с пола. — А заодно и всех остальных.

— Прости, Бонни. Нам пришлось забирать их аж из Кантерлота. Они изо всех сил старались обрушить нашу экономику.

— Знаешь, — произнесла кондитерша, уставившись на мятную единорожку, — самое страшное, что я не могу понять, шутишь ты или нет.

— Да... там на самом деле... — замялась Рейнбоу Дэш.

Кремовая земнопони на это слицекопытила.

— Знаете что? — сказала она, не отнимая от мордочки копыта. — Если это не срочно и не вопрос жизни и смерти, то он может и подождать.

— То, что Меткоискателям теперь пол-Кантерлота принадлежит, считается за «срочно»? — спросила Рейнбоу.

— Нет.

— Тогда всё в порядке, — произнесла Эпплджек.

Вздохнув, Бон-Бон перевела взгляд на Гарри.

— Ты же помнишь, что мы сговорились сегодня пойти на ужин к твоей тёте? — сказала она с нотками разочарования в голосе. — Так что сходи в свой сундук и подбери себе подходящую оде...

Продолжить фразу ей не дала внезапно прижавшаяся к её лицу мордашка жеребёнки. В тот же момент Бон-Бон ощутила, что её голову с боков словно тисками сдавили, и встретилась взглядом с неожиданно серьёзными оранжевыми глазами.

— Куда-куда ты хошь его взять? — холодно спросила жеребёнка.

Бон-Бон только и могла, что поражённо вытаращить глаза.

— Эппл Блум! — рявкнула Эпплджек. — А ну слезай! Ты шо ся так грубо ведёшь?!

Однако красногривая жеребёнка с бантом проигнорировала старшую родственницу, продолжая буравить кремовую земнопони ледяным взглядом.

— Тётя Гарри Поттера хочет получить шанс извиниться перед ним за всё плохое, что ему сделала, — пояснила Лира. — Не волнуйся, мы с Бонни идём вместе с ним.

— Звиняй, Бон-Бон, — сказала рыжая земнопони в шляпе, направляясь к младшей сестре, намереваясь её забрать. — Поняття не имею, шо на неё нашло. Обычно она так ся не ведёт.

— Я тоже иду. — Эппл Блум отказалась отпустить свою хватку, даже когда её сестра схватила её за холку и потянула, в результате чего только протащила за собой пару шагов Бон-Бон.

— Ты ща топаешь домой и п'думаешь за своё поведение, — пробурчала Эпплджек, всё ещё держа в зубах красную гриву.

— Я тоже иду. — В голосе Эппл Блум не было ни единого намёка на что-либо, кроме как прямой констатации факта.

— Именно поэтому, — прокомментировала происходящее Рейнбоу Дэш, — она альфа-кобыла... э-э-э, жеребёнка.

Вздохнув, рыжая кобыла отпустила гриву младшей сестры.

— Мы об этом пог'рим, когда вернёшься.

Эмма Грейнджер улыбнулась при виде Тягача, влетевшего в комнату и усевшегося на насест рядом с её собственной совой.

— Я уже переживать начала, — сказала женщина и коснулась сумки совы палочкой: — *Ex dimittere.*

Несколько секунд — и гостиная оказалась полна маленьких и не очень поняшек.

— Да ты, смотрю, весь класс с собой решила взять? — отметила Эмма, пересчитывая жеребят на полу и добавляя к ним парочку тех, которые решили устроиться на потолке.

— Да, — ответила Лира, подымаясь на копыта. — Они весь день провели в Кантерлоте. Мы надеялись воспользоваться твоим камином, чтобы отправить их по домам.

— Ох, да, конечно же, — сказала миссис Грейнджер. — У нас куча дымолётного порошка, правда, насколько я знаю, рядом с домом Дина нет подключённых к сети каминов. Я вызову кэб для него и его сестёр. А Эппл Блум может отправиться со мной прямо к Эпплджек.

— Я здесь, шоб приглядеть за Гарри Поттером, — заметила красногровая жеребёнка.

— А? — подняла бровь Эмма. — Ну, это не проблема. У тебя размер примерно как у Гермионы, так что наденешь одно из её платьев.

— Вызывать кэб слишком дорого, — возразил Дин. — Мы можем поехать на автобусе.

— Как будто я отправлю детей в такое время домой на автобусе, — строго сказала миссис Грейнджер. — К тому же, отсюда к вам нет ни одного прямого маршрута. Я бы и сама вас отвезла, если бы не была занята. Да и от одной поездки на кэбе не разорюсь.

— Но Ночной рыцарь не так уж и плох, — подала голос свисающая с потолка Луна, всё ещё не снявшая с мордочки очки для сварки. — Да и не будут они на нём целую ночь ехать.

— Рыцарь? Ночной? — недоумённо переспросила Эмма.

— Я покажу, — фестралочка спланировала с потолка и прямо в воздухе превратилась, выполнив идеальное приземление на две точки. — Только нам надо выйти наружу. В доме его лучше не вызывать.

— Эмма Грейнджер, ты помнишь Бон-Бон, мою подругу? — спросила Лира уже в людском облике.

— Добрый день, Бон-Бон, — поздоровалась с ней Эмма, следуя за направляющимися на улицу жеребятами, по очереди превращающимися в детей. — Надеюсь, вам понравится ваша первая вылазка в человеческом обличье.

— Добрый, Эмма Грейнджер, — ответила Бон-Бон, поднимаясь на ноги. — Я уже достаточно побыла в людском облике, пока мерила платье, сделанное Рерити для меня, — объяснила она, демонстрируя элегантное платье кремового цвета с заниженной талией, — однако я жду — не

дождусь своей первой людской трапезы.

— А ты уверена, что сможешь нормально есть мясо? — уточнила миссис Грейнджер, следуя за высыпавшими из дому детьми.

— Я уже пробовала свинину, купленную на ферме Эпплов, — уверенно заявила женщина с синими и розовыми вьющимися кудрями. — Как и рыбу с рынка — в конце концов, у нас живёт немало пегасов, а они обожают рыбу.

— С ней всё будет в порядке, — заверила Эмму Лира. — Я же привыкла.

— А что они делают? — поинтересовалась миссис Грейнджер, наблюдая за тем, как дети встали на обочине дороги, а Луна размахивает в воздухе палочкой.

Внезапно сбоку раздался громкий лязг, и через пару секунд перед их домом резко затормозил странный фиолетовый автобус.

— Селестия милостивая! — удивлённо вскрикнула Бон-Бон.

— Хех, а этот меня больше впечатлил, чем те, красные, в Лондоне, — призналась зеленоволосая превращённая в человека единорожка. — Да и зачарован он неплохо.

— Так он ещё и трёхэтажный?! — пролепетала Эмма. — Он же от сильного ветра перевернётся!

— Мы что, серьёзно разрешим жеребяткам ехать на этом? — в ужасе вытаращила глаза Бон-Бон.

Три женщины поспешили к необычному транспортному средству, пока Луна, Дин и его сёстры уже забирались внутрь салона.

— Вы точно не поедете с нами? — спросила Луна у подошедшего к ним Невилла.

— Неа, — ответил мальчик, указав куда-то себе за спину. — Мы лучше камином, так быстрее.

— И безопаснее, — добавила Гермиона.

— Эй, чтобы вы знали, Ночной рыцарь совершенно безопасен! — возмутился водитель автобуса.

— Ну да, если не считать возможность получить сердечный приступ, — проворчала Гермиона, вспомнив свою поездку с Грюмом.

— Для подобных случаев у нас есть набор зелий, — сообщил ей водитель. — Двенадцать сиклей за каждое. Возьмёте?

«Этот мир сошёл с ума! Всё в мире неправильно! Всё вокруг бессмысленно, и в этом точно виноват тот ненормальный урод!»

Именно таковыми были мысли пухлого красного мальчика, живущего в тихом доме на тихой Тисовой улице тихого городка Литтл Уингинга.

Дадли вернулся из Академии Смелтингс два дня назад, и эти два дня стали самыми ужасными в его жизни. Его родителей точно подменили какие-то оборотни: они выглядели так же, как и раньше, но вели себя совершенно по-другому. И теперь Дадли не мог решить, какое из изменений стало самым худшим.

В первый же вечер мама за ужином попросту отказалась давать Дадли третью порцию! А ведь на ужин были его любимые блюда, но она всё равно не дала ему третью порцию! Тогда он сделал то, что всегда делал, когда не получал желаемого: закатил истерику. Однако мама вместо того, чтобы дать Дадли желаемое, отправила его в комнату! Ему впервые в жизни приказали сидеть в своей комнате! От такой несправедливости хотелось плакать. Он не заслуживает такого обращения! Он достоин лучшего! И потому он стал швырять игрушки в стены. Они должны слышать, что он недоволен!

Это должно было сработать. Он должен был получить, что хочет. Но по какой-то причине он так и не получил свою третью порцию, которую заслуживает. Единственным, что он получил, стал стул на кухне, смотрящий в угол. Никогда прежде он не подвергался таким пыткам. Это было просто невыносимо!

На следующий день всё стало ещё хуже. Когда он пожаловался, что его новый дорогой игрушечный самолёт на радиоуправлении вчера сломался и надо купить новый, родители вдруг сказали «нет» и заявили, что ему никто ничего не будет покупать и что он должен научиться ценить то, что имеет. Это было несправедливо, совершенно несправедливо. Родители ведь сами виноваты в том, что отправили его в свою комнату без третьей порции! От такой несправедливости он закатил новую истерику. В результате его заперли в комнате почти на весь день. Что ещё хуже, он не мог должным образом выразить своё негодование, так как знал, что за это его бы опять посадили в угол. Дадли вдруг обнаружил, что не хочет ещё раз сидеть в углу. Вместо этого он со злости разломал свой самолёт на мельчайшие куски, раз уж он всё равно уже сломался.

Однако произошедшее час назад стало для него настоящим ударом. Ему сказали, что он должен нарядно одеться, потому что к ним на ужин придут гости. И среди гостей будет этот ненормальный, который, к огромной радости Дадли, больше не будет с ними жить. Однако когда мама ему сообщила эту новость, Дадли почувствовал, что что-то было не так. Мама выглядела... расстроенной? Это стало последним кусочком мозаики. Во всём виноват этот урод! Этот ненормальный наверняка сделал что-то немыслимое, заставив Дадли и его семью страдать.

Похоже, снова повторялась ситуация со свинячьим хвостом.

К моменту, как прибыли гости, он уже, казалось, целую вечность кипел от злости. На то, как его мать опустила на колени, чтобы обнять урод, было ужасно смотреть. А уж заметить слёзы в глазах отца было ещё ужаснее.

Что-то здесь совершенно точно было очень неправильным.

Люди, которые пришли с этим уродом, лишь усиливали ощущение неправильности. Нет, мужчина и женщина, представившиеся стоматологами, выглядели достаточно обычными, однако другие две женщины явно были из тех, кого нормальные родители точно никогда не позовут на ужин. У них обеих были двухцветные волосы, причём цветов, о которых его отец однажды сказал, что их обладатели точно подозрительные личности. Дадли не понимал, почему он вообще пустил их в дом, а тем более пригласил на ужин.

Однако беспокойство, вызываемое этими двумя, как назвал таких женщин отец, путанами не шло ни в какое сравнение с раздражением от вида двух девчонок, которые постоянно прижимались к этому уроду с двух сторон. Одна из них, с каштановыми волосами, выглядела довольно обычной. И Дадли был уверен, что эту заучку, как и любую другую похожую на неё девчонку ранее, он сможет довольно легко заставить держаться подальше от урод. Она точно сбежит при первой же опасности, всего-то и нужно будет, что её слегка припугнуть. Однако вторая девчонка была совсем другой. И нет, его не надурит её милая внешность. Ни большой розовый бант в её огненно-рыжих волосах, ни это платье с оборочками не скроют от него её дьявольский характер. Так же легко, как он чувствовал чужой страх, Дадли мог легко распознать ауру настоящего хищника. Он всем своим естеством чувствовал, что если попробует наехать со своей бандой на эту рыжую, то за этим последует очень болезненное возмездие, и, возможно, одними синяками они не отделаются. И ни одна из этих девчонок не отходила от уроды — даже тогда, когда это мерзкое отродье обнимала его мама.

Ничего, Дадли дожждётся подходящего момента, чтобы показать уроду его место. Скоро всё снова станет так, как и должно быть.

Дафна не хотела признаваться даже самой себе, что отправиться вместе с гриффиндорцами в Понивилль будет куда веселее, чем дожидаться родителей в одиночестве в выделенных им покоех. Жеребчики и жеребёнки, с которыми она познакомилась на вечеринке Пинки Пай, легко и спокойно восприняли её родную человеческую природу. И хоть многие из них едва не сгорали от любопытства, им было намного интереснее наблюдать за первым полуфиналом чемпионата по уклонению от Джорджа, чем заваливать Дафну тоннами вопросов. Девочка была вынуждена признать, что скорость и ловкость, продемонстрированные участниками необычного состязания, немного взбудоражили даже её. Состязание оказалось почти таким же интересным и весёлым, как наблюдение за очередным жеребцом, пытающимся приударить за питомцем Свити.

Наконец пришла миссис Белль, забрала «Джорджа» и позвала девочек на ужин. При этом она относилось к сундуку, словно тот был живым.

Освежившись в довольно неплохо оборудованной ванной, Дафна вскоре оказалась за столом с двумя хозяйками.

— Надеюсь, тебе придётся по вкусу портулак и одуванчиковое суфле, — сказала миссис Белль, пролевитировав на стол перед Дафной тарелку.

— Эммм... — неуверенно протянула девочка, не желая оскорбить гостеприимную единорожицу, тем более когда Свитин питомец с удовольствием поглощал содержимое своей тарелки. — Я не уверена, что люди могут это есть. Наш садовник называл их сорняками.

— Так превратись в пони, — пожала плечами Свити Белль. — Тебе понравится.

Дафна с сомнением посмотрела на поставленное перед ней угощение, пожала плечами и уменьшилась, превращаясь в бледно-жёлтую единорожку, перед которой, по заявлению её младшей сестрёнки Астории, «невозможно устоять, чтобы не потискать». Поставив передние копытца на стол, она осторожно принялась. Внезапно на её лице возникло выражение глубочайшего изумления, и она свела глаза, словно пыталась увидеть собственный рог.

— Что-то не так, дорогуща? — спросила миссис Белль, подхватывая магией вилку.

Дафна посмотрела на собственное копыто так, словно впервые в жизни его видела.

— Моё кольцо же у Астории!

Впервые на памяти Гарри за столом дома №4 на Тисовой улице было столь многолюдно. Впервые на его памяти ему вообще было разрешено нормально есть за столом, а не быть мальчиком «принеси-подай-пошёл-к-чёрту-не-мешай». Однако новизна ситуации не помешала Гарри ощутить какое-то нехорошее предчувствие, как и висящее в комнате напряжение. Невольно он задумался, что сопровождавшие его девочки, похоже, чувствовали его настроение. У Гарри даже возникло ощущение, что если бы они трое сидели на скамейке, то Гермиона и Эппл Блум сидели бы у него едва ли не на коленях — а то и без «едва ли».

— Не нужно так переживать, Гарри, — нарушила невольно повисшую в помещении тишину Лира, пока тётя Петуния носила из кухни тарелки и расставляла на столе. — Мы не пытаемся отказаться от тебя, ни в коем случае! Это всего лишь обычный поход в гости.

Гарри посмотрел на зеленоволосую превращённую единорожку, и на его губах проступила тень улыбки, знаменуя, что он услышал её, однако его тревоги не были окончательно развеяны.

— Парень... — хрипло начал дядя Вернон, но осёкся и попытался снова: — Гарри, послушай её. Теперь я снова полностью в своём уме и понимаю, что мы просто отвратительно к тебе относились. Магия... — это слово дядя Вернон произнёс с нескрываемым отвращением, — которой заколдовал нас тот бородатый урод, заставляла нас поступать так, как не поступил бы ни один порядочный человек. Это ненормально. Это позорно и постыдно. Магия... она заставляла нас относиться к тебе, как к грязи, а Дадли растить во вседозволенности, и теперь уйдёт много времени, чтобы исправить его характер — если это вообще возможно.

— Так это из-за этой ненормальной магии вы так странно себя ведёте с тех пор, как я с академии вернулся? — спросил Дадли со своего места справа от отца.

— Она... — дядя Вернон явно не хотел произносить этого слова, — заставила нас ненавидеть Гарри и излишне баловать тебя. Но теперь всё будет так, как должно быть. Мы, — он широким жестом обвёл рукой сидящих за столом, в том числе и Гарри, — семья. И мы давно должны были начать так относиться к друг другу. Может, Гарри больше не будет с нами жить, однако ему всегда будут рады в нашем доме.

— Но я хочу, чтобы всё было, как было раньше! — надулся Дадли.

— Знаю, милый, — сказала тётя Петуния, подходя к столу с накрытым блюдом в руках. — Но то, как мы относились к друг другу раньше — неправильно. Поэтому нам пора отбросить прошлое и жить дальше.

— Но раньше всё было хорошо! — протестуя, повысил голос Дадли.

— Нет, не было, — отрезала тётя Петуния. — По неизвестной причине меня заставили ненавидеть собственного племянника. Даже сейчас, когда это чёртово проклятие сняли, я всё равно не могу перестать его ненавидеть. Гарри не сделал ничего плохого и ничем не заслужил ни нашей ненависти, ни жестокого к нему обращения.

— Но он же урод! — заорал Дадли.

— Это ты сам урод! — вскочив и сжав руки в кулаки, закричала Гермиона, тогда как Эппл Блум, нахмурившись, угрожающе глянула исподлобья.

— Гермиона! — рявкнул её отец.

— Но он же... — начала Гермиона, вызывающе глянув на отца.

— Мы знаем, — сказала Эмма. — Это не его вина. Ты же не думаешь, что он изменится за одну ночь?

— Дадли, ты ведёшь себя грубо, — с нажимом сказал дядя Вернон, в то время как Гермиона садилась обратно на стул.

— Но па-а-апа! — проныл Дадли тоном, который скорее можно было бы ждать от пятилетнего ребёнка.

— Никаких «но»! — твёрдо произнёс дядя Вернон, а затем повернулся к гостям: — Прошу прощения за поведение моего сына.

— Это не твоя вина, — заявила Лира со слезами на глазах.

— А вы... — Бон-Бон на несколько секунд задумалась над тем, что хотела сказать, и продолжила: — А вы не водили его в больницу, чтобы провериться на остаточные следы заклинаний?

— Наши госпитали ничего не могут поделать с магией, — со вздохом сказала тётя Петунья, поставив на стол последнее блюдо. — А магическая полиция сказала, что они сняли всё, что только смогли найти.

— Вряд ли они смогут всё сделать так же хорошо, как квалифицированный доктор-единорог, — сказала Бон-Бон. — Вот что, почему бы вам троим не посетить завтра Понивилльский госпиталь? Просто на всякий случай.

— Не смогу, у меня завтра работа, — ответил дядя Вернон, — однако не вижу ни единой причины, почему этого не могут сделать мои жена и сын.

— Гарри также должен раз в неделю посещать Мендин Псайки, — добавила Лира. — Думаю, вам троим тоже не помешает пара-тройка сеансов.

— Это слишком серьёзная тема, чтобы обсуждать её за едой, — сказал дядя Вернон. — Давайте лучше поговорим об этом позже. Моя жена сегодня полдня провозилась на кухне, чтобы приготовить настоящий деликатес, который, уверен, сможет поднять всем настроение, — перевёл тему дядя Вернон. — Я, например, с нетерпением ждал этого и даже готов ради него нарушить свою диету.

И с этими словами мужчина поднял накрывавшую стоящее в центре стола блюдо полусферическую металлическую крышку. Это действие вызвало у всех присутствующих удивлённые ахи и вздохи по поводу мастерства тёти Петунии и вложенных ею в угощение сил.

— А что это? — спросила Бон-Бон, недоверчиво принюхиваясь к незнакомым запахам, распространяемым стоящим перед ними блюдом.

— Говядина «Веллингтон», — восторженно ответила Эппл Блум, едва не капая слюной на скатерть. — Мы ток' раз её проб'вали — когда ток' приехали к Уизли.

— А что такое «говядина «Веллингтон»? — снова спросила Бон-Бон, потому как первый ответ нисколько не прояснил ей ситуацию.

— Ой-ёй, — пробормотала Лира, морально готовясь к долгому и не самому лёгкому объяснению.

— Мясо — это УБИЙСТВО!!!

Молодой человек в тихом коттедже вдали от Литтл Уингинга обеспокоенно вскочил, как только истеричный, полный ужаса крик достиг его ушей.

— Тётя Джейн! — испуганно спросил он. — Может, нам стоит вызвать полицию?

— Не нужно, — покачала головой старая дева. — Порой, когда дует ветер, он доносит крики безумцев¹.

Примечание:

¹ В оригинале: «When the wind is just right, you can hear the cry of the loons». Как сказал автор, это отсылка на мисс Марпл, видимо, на какую-то из её известных почитателям творчества Агаты Кристи реплик, правда, мы с сопереводчиком так и не поняли, к какому роману/романам и к каким ситуациям она относится, т.к. ни он, ни я не увлекаемся детективами и не читали Агату Кристи. Согласно Википедии, Джейн Марпл, более известная как мисс Марпл, — персонаж детективов Агаты Кристи, появившаяся в сборнике рассказов «Тринадцать загадочных случаев» и в 12 её романах. Марпл — старая дева, детектив-любитель, живущая в небольшой английской деревне Сэнт Мэри Мид.

<http://tl.rulate.ru/book/28591/1498993>